

Miller L.V. Lingvokognitivnye mehanizmy formirovanija hudozhestvennoj kartiny mira: Na materiale russkoj literatury: dis. ... d-ra filol. nauk. – SPb. – 2004. – 303 s.

Petrova L.A. Lingvokognitivnye osnovy hudozhestvennoj kartiny mira. – Simferopol': OAO «SGT». – 2006. – 284 s.

Samorukovoj Ja.A. Smyslovaja struktura hudozhestvennogo koncepta i sposoby ee jeksplikacii (na primere hudozhestvennogo koncepta «samoubijstvo» v proizvedenijah L. Andreeva, V. Na-bokova G. Gazdanova): avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. – SPb. – 2009. – 23 s.

Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: 3-e izd. – M.: Akademicheskij prospekt. – 2004. – 991 s.

Tarasova I.A. Idiostil' Georgija Ivanova: kognitivnyj aspekt: monografija. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. – 2003. – 280 s.

Zgazinskaja O.G. Koncepty <Parizh> i <Kimmerija> v tvorchestve M.A. Voloshina: dis. ... kand. filol. nauk. – Severodvinsk. – 2008. – 255 s.

УДК 821.161.1-31.09

ББК 81

Е.Г. Хомчак

Elena G. Khotchak

**Концептуализация вещей-образов
в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя
Conceptualization of things-images
in «Petersburg tales» by N.V. Gogol**

Аннотация: В статье исследуется мир вещей-деталей, вещей-образов в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя в аспекте взаимосвязи образной составляющей и лексической объективации вещного мира гоголевского текста. Рассматривается вещь-деталь в семантическом поле гоголевского текста, ее трансформация в вещь-образ с символическим, мистическим наполнением.

Ключевые слова: вещь-деталь; вещь-образ; лексическая объективация.

Abstract: The article deals with the world of things-details, things-images in “Petersburg Tales” by N.V. Gogol from the perspective of interconnectedness between the figurative image-building constituent and lexical objectivity of Gogol’s textual world of things. Special attention is given to a thing-detail in the semantic field of Gogol’s text, as well as to its transformation into a thing-image of symbolic and mystical filling with meaning.

Keywords: thing-detail; thing-image; lexical objectivity; symbolic filling with meaning.

Детализация вещного мира – важный аспект реалистической прозы, начало которой в русской литературе положено Н.В. Гоголем. К изучению произведений

великого русского классика в разных аспектах обращались многие исследователи (А. Белый, М. Вайскопф, В. Гиппиус, Е.С. Добина, А.Б. Есин, Ю.В. Манн, В.И. Мацапура, Ю.М. Лотман, В.Ф. Переверзев, А.П. Чудаков, В.Б. Шкловский и др.), однако проблема концептуализации вещей-образов в художественной картине мира писателя по-прежнему остается далеко не исчерпанной. Актуальным и своевременным является исследование вещного мира гоголевских произведений в аспекте взаимосвязи его лексической объективации и образной составляющей.

Обширные бытовые описания в произведениях Н.В. Гоголя самоценны, их стиль является выразительным, прежде всего, благодаря обилию мелочей, вещей-деталей, тяготеющих к образности. Гоголевская вещь-деталь демонстрирует самодостаточность, независимость, «собственную значимость в художественном единстве целого» [Путнин, 1987, с. 90]. По утверждению В.И. Мацапуры, писатель умышленно стремится к тому, чтобы каждая мелочь, каждая деталь запомнилась читателю [Мацапура, 2009, с. 268].

Пристальное внимание к изучению мира вещей-деталей в произведениях Н.В. Гоголя было уделено А.П. Чудаковым. Исследователь рассмотрел основные сферы – портрет, интерьер – воедино с предметами их составляющими или косвенно с ними связанными; сформулировал основные принципы, по которым строится вещная зарисовка в гоголевском тексте, главным из которых является принцип необычности, доведения некоего качества до крайних его пределов.

Наряду с принципом необычности исследователи «необъятной гоголианы» выделяют и основной стилистический прием писателя – метод «вещного загромождения героя» [Чернец, 1999, с. 90]. Интересна в этой связи трактовка М.Я. Вайскопфа, выдвигающего версию о том, что вещественная среда является связующим звеном с внутренним миром героя, что «разбухшая вещественность соединяется с психическими страстями» [Вайскопф, 2004, с. 241]. Это наглядно представлено выразительным набором вещей-образов в «Петербургских повестях».

В «Петербургских повестях» объектом художественного исследования служит образ Петербурга, складывающийся из отдельных предметных сфер (департамент, Невский проспект, жилища персонажей и т.д.), каждая из которых является самостоятельно функционирующей единицей. Повесть «Невский проспект» имеет магистральное значение среди других повестей петербургского цикла (по аналогии с самим Невским проспектом, являющимся центральной магистралью Санкт-Петербурга).

Невский проспект претендует на роль «всеобщей коммуникации» Петербурга, что находит свое отражение в лексической объективации вещи-детали текста повести. Вслед за определением *Всемоуший Невский проспект!*, в тексте под-

тверждается общее правило: человека на *Невском* встречают и провожают по одежке. Все в человеке вынесено вовне, на всеобщее обозрение: *неуклюжий грязный сапог отставного солдата; башмачок молоденькой дамы; гремящая сабля исполненного надежд прапорщика* [Гоголь, 2003, с. 7].

Невский проспект представлен в разное время суток определенной вещной лексикой, репрезентирующей главную магистраль города. Ранним утром проспект наполнен *старухами в изодранных платьях и сапогах; плотными содержателями магазинов в своих голландских рубашках; русскими мужиками, спешащими на работу, в сапогах, испачканных известью; сонными чиновниками с портфелем под мышкой; бегущих молниями мальчишек в пестрядевых халатах, с пустыми штофами или готовыми сапогами в руках* [Там же, с. 8].

К двенадцати часам на Невский проспект набегают *гувернантки в батистовых воротничках; мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками; дамы в розовых, белых, бледно-голубых атласных рединготах и шляпках, в рукавах, похожих на два воздухоплавательные шара* [Там же, с. 7–8].

При этом каждый стремится подчеркнуть некое главное свое «достоинство» — *будь то щегольской сюртук с лучшим бобром; греческий прекрасный нос; удивительная шляпка, перстень с талисманом на щегольском мизинце; ножка в очаровательном башмачке; галстук, возбуждающий удивление; усы, повергающие в изумление* [Там же, с. 10].

В три часа дня на Невском проспекте происходит новая перемена: он покрывается *чиновниками в зеленых мундирах* [Там же, с. 10]. С четырех часов проспект пуст, не встретишь там ни одного чиновника, иногда *какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках; какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикюлем и книжкой в руках; какой-нибудь артельщик в демикотоновом сюртуке* [Там же, с. 13].

В сумерках Невский проспект снова оживает: при свете электрических ламп здесь можно встретить *много молодых людей в теплых сюртуках и шинелях, бегущих заглянуть под шляпку издали завиденной дамы; толпу купцов в немецких сюртуках* [Там же, с. 14].

Благодаря специфичности объективации вещей-деталей в гоголевском тексте создается какая-то фантазмагорическая гротескная картина: по Невскому прогуливаются отдельные вещи (*башмачки, шляпки, сюртуки* и т.д.) или части вещей (*воротнички, рукава* и т.п.).

По наблюдению Ю.М. Лотмана, в гоголевской прозе заметно стремление к циклизации, когда «рождается новый тип пространства, например, петербургское или губернское. Это пространство заполняется собственно специфическими ве-

щами, которые, будучи «социокультурными знаками», выступают как механизмы кодирования» [Лотман, 1988, с. 264]. В «Петербургских повестях», такими лексическими маркерами кодирования в пестром круговороте ярмарки тщеславия Невского проспекта являются вещи-детали *шляпка, баширек, шинель*. В начале повествования они словно «подготавливаются» к символическому, мистическому наполнению, к превращению в вещи-образы в финале или в следующих повестях гоголевского цикла.

Так, вещь-концепт *шляпка* проходит сквозной линией через весь текст повести «Невский проспект», приобретая в финале символически-предупредительное значение: *Боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки!* [Гоголь, 2003, с. 47]. Далее в «Шинели» находим упоминание о времени, которое чиновники употребляют *на рассматривание кое-каких шляпенков* [Там же, с. 161]; в «Записках сумасшедшего» чиновник не уступит офицеру, если пройдет *какая-нибудь шляпка, непременно зацепит* [Там же, с. 210] и т.д. Человек обезличен, *шляпка* же с помощью гротеска и лексического приема метонимии символизирует всего-то субъект (или объект!) женского пола.

Выразительным эпизодом «Петербургских повестей» является описание бала, который видит во сне художник Пискарев. На балу перемешались в невероятной пестроте *сверкающие дамские плечи, черные фраки, люстры, лампы, воздушные летящие газы, эфирные ленты и толстый контрабас* [Там же, с. 22]. В другом эпизоде художник во сне видит господина, который одновременно и чиновник, и *фагот*. Острый комический парадокс нарушает привычные представления благодаря неожиданному сочетанию взаимоисключающих явлений. Прием гротеска преобразует вещи-образы *контрабас* и *фагот*, выводит их за пределы вероятного, придает гоголевскому тексту мифическое наполнение.

Символические лексемы-репрезентанты концепта «Вещь» – *портрет, шинель, коляска* – вынесены в заглавие повестей «Портрет», «Шинель», «Коляска» цикла «Петербургских повестей». К этому же концептуальному ряду относится лексема-репрезентант концепта «Вещь» – *нос*: ведь его подобно вещи носит в кармане персонаж повести «Нос», а затем в тексте *вещь-нос* приобретает свое собственное лицо, одушевляется.

Исследователями уже отмечалась гротескная смелость сюжетной организации повести «Нос»: в одно прекрасное утро от майора Ковалева сбежал *нос*. Ни рука или нога, а именно *нос* – самая выдающаяся часть лица. Иной раз и непонятно даже – нос ли приставлен к человеку, или человек к своему носу, ибо орган этот, словно чуткий барометр, отражает жизненные успехи или неудачи своего «носителя», а также его социальный статус, его мнение о своей персоне. Существуют же ус-

тойчивые выражения *задирать нос, водить за нос, получить по носу, остаться с носом, совать свой нос в чужие дела* и др. Текст повести не оставляет сомнения: нос майора Ковалева был задран достаточно высоко, при его невысоком чине у него был слишком амбициозный нос.

Лексема-репрезентант *нос* повторяется в тексте повести 88 раз, при этом она функционирует в составе различных синтаксических конструкций: *Ибо хлеб – дело печеное, а нос совсем не то* [Гоголь, 2003, с. 52]; *Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!..* [Там же, с. 57]; *<...> без носа человек – черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин <...>* [Там же, с. 70].

Надо отметить, что фразеологизмы, в состав которых входит лексема *нос*, встречаются не только в повести «Нос», они заметно выделяются и в «Шинели», где мороз раздает щелчки по всем чиновничьим носам; в «Записках сумасшедшего» находим ироничные указания на то, что персонаж *чуть-чуть не расклеил носа* [Там же, с. 214]; что у камер-юнкера *нос не из золота сделан* [Там же, с. 226], что у алжирского деятеля *под самым носом шишка* [Там же, с. 235] и т.д. Метафорическое же наполнение вещи-образа *нос* в одноименной повести Н.В. Гоголя указывает на слабое место майора Ковалева – его не в меру высоко поднятый нос.

В повести «Шинель» Н.В. Гоголь показывает одного из самых немощных, жалких, забитых и забытых созданий петербургского мира, выводя в центр текста вещь-концепт *шинель*. Вслед за описанием заурядной внешности персонажа, маленького чиновника, называется его фамилия – Башмачкин, происходящая от названия вещи – *башмак*. *Коробка с башмаками* мелькнет проходящей вещью-деталью в повести «Портрет» [Там же, с. 87].

Фамилия по названию *вещи* – это предтеча самой истории персонажа, для которого реальная вещь – *шинель* – подчинит себе потом сознание и жизнь героя. Обращает на себя внимание тот факт, что в тексте повести *старой шинели* Башмачкина даются различные насмешливые и уничижительные названия – *капот, тощенькая шинелишка, ветошь, худой гардероб* [Там же, с. 162–164] и т.п.

Надо отметить, что *вещь-концепт* – *старая шинель* – является не только маркером вещного мира повести «Шинель» – в «Записках сумасшедшего», например, упоминается старая шинель героя, *очень запачканная и притом старого фасона* [Там же, с. 210]. В повести «Портрет» читатель знакомится с героем в момент, когда он останавливается у картинной лавки и начинает рыться в куче старых портретов, на нем *старая шинель и нещегольское платье* [Там же, с. 87]. Как видно, автор оценивает его «по одежке» – сквозная тема *шинели* возникает и в этой повести.

Старая шинель Башмачкина действительно имела странное устройство: *воротник уменьшался с каждым годом более и более, ибо служил на подтачиванье других частей ее* [Там же, с. 162]. А персонаж мечтал о новой шинели *на толстой вате, на крепкой подкладке без износу*, которая становится предметом страстной любви и заменяет ему *какую-то приятную подругу жизни* [Там же, с. 170], – и подруга эта была не кто другая, как та же *шинель*.

Судьбоносная вещь-образ – *новая шинель* – становится для героя целью существования и «вечной идеей», но в финале повести утверждается, что самая насущная, самая необходимая вещь – это все-таки всего лишь *вещь*.

Итак, вещи-детали гоголевского текста, как правило, трансформируются в вещь-образ во всем своем невероятном и небывалом наполнении. Функция вещи-образа в «Петербургских повестях» и ее сюжетно-стилистические возможности значительно расширены благодаря вкраплению в них символических и мистических признаков. Вещи-образы *шляпка, нос, башмак, шинель, портрет* являются лексическими маркерами кодирования в гоголевском цикле повестей.

Вещный мир гоголевских повестей репрезентирует раздробленный мир мелких человеческих амбиций, зато вещь приобретает свое собственное лицо. Содержательная взаимосвязь структурных элементов единого целого – героя и вещи, существенно расширяет диапазон повествования: от комического изображения взаимоотношений героя с вещью до фантастического замещения, перекодирования вещи в часть человека или живое целое.

Библиографический список

- Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. – 2-е изд., испр., расшир. – М.: РГГУ. – 2004. – 686 с.
- Гоголь Н. В.* Петербургские повести. – СПб.: Геликон Плюс. – 2003. – 304 с.
- Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – Москва: Просвещение. – 1988. – С. 251–292.
- Мацапура В. И.* Н. В. Гоголь: художественный мир сквозь призму поэтики. – Полтава: Полтавський літератор. – 2009. – 304 с.
- Путнин Ф. В.* Деталь художественная // Литературный энциклопедический словарь / под общ. редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия. – 1987. – 752 с.
- Чернец Л. В.* Деталь // Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа. – 1999. – С. 62–75.
- Чудаков А. П.* Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков. – М.: Современный писатель. – 1992. – 317 с.

References

- Chernec L. V.* Detal' // Vvedenie v literaturovedenie. – M.: Vysshaja shkola. – 1999. – S. 62–75.
- Chudakov A. P.* Slovo – veshh' – mir: Ot Pushkina do Tolstogo. Ocherki pojetiki russkih klassikov. – M.: Sovremennyy pisatel'. – 1992. – 317 s.
- Gogol' N. V.* Peterburgskie povesti. – SPb.: Gelikon Pljus. – 2003. – 304 s.

Lotman Ju. M. Problema hudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolja // V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'. – Moskva: Prosveshhenie. –1988. – S. 251–292.

Macapura V.I. N. V. Gogol': hudozhestvennyj mir skvoz' prizmu pojetiki. – Poltava: Poltavs'kij literator. – 2009. – 304 s.

Putnin F.V. Detal' hudozhestvennaja // Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' / pod obshh. redakciej V.M. Kozhevnikova, P.A. Nikolaeva. – M.: Sov.jenciklopedija.– 1987. – 752 s.

Vajskopf M. Ja. Sjuzhet Gogolja. Morfologija. Ideologija. Kontekst. – 2-e izd., ispr., rasshir. – M.: RGGU. – 2004. – 686 s.

УДК 821.161.1–9

ББК 83 (83.3) (2 Рос = Рус)

Э.Я. Фесенко

Emilia Ya. Fesenko

«Определить себя в безбрежно великом мире»:

детские дневники

«To identify yourself in a boundless great world»:

children's diaries

Аннотация: Рассматриваются жанровые признаки личных документов, в частности, – «внелитературных дневников» детей, созданных в экстремальной ситуации 20–40 годов XX века, которые помогли их авторам «восстановить свое Я», выполнив «заместительную» функцию. Доказывается, что дневник – своеобразная реконструкция истории, документ своего времени.

Ключевые слова: дневниковая форма записей; документ времени; детская память.

Abstract: The article is devoted to the genre features of «non-literary children's diaries» as a type of «private documents». These diaries, created in the extreme situation of the 1930–40's, helped their authors to restore their «Self», having performed a substitution function. It is proved that a diary is the specific reconstruction of history, the document of its time.

Keywords: diary entry form; documentation of the times; children's memory.

Одна из интереснейших проблем литературоведения – функционирование в литературном пространстве «личных документов», в частности, – дневников. Изучением личной документальной литературы занимались Ю.Н. Тынянов и М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и Л.Я. Гинзбург и др. К филологам со временем присоединились историки, культурологи, социологи. Превращение «факта быта» в «литературный факт» требует серьезного отношения. До сих пор не разработан категориальный аппарат. Поэтому на равных сосуществуют такие термины, как «документальная литература», «литература факта», «документально-художественная литература», которые вносят определенную сумятицу в толкование таких жанров, как «дневник», «мемуары», «воспоминания», «записки», «дневниковая проза» и пр.

В Литературной энциклопедии терминов и понятий речь идет не только о жанре